

Концепт страха в Толковой Палее

Светлана А. Борисова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sa-borisowa@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается содержание концепта «страх» в Толковой Палее. Данный источник важен для изучения представлений о страхе в древнерусской книжности как один из авторитетных, влиятельных и распространенных текстов с толкованиями и дополнениями к библейским сюжетам. Концепт страха в Палее имеет довольно сложную структуру. Ее отправная точка – это страх Божий. Значение понятия богобоязненности и ее основные характеристики в Палее были установлены автором статьи на основе анализа контекста выражения «страх Божий» и с помощью исследования более крупных смысловых блоков, включающих это словосочетание. Также удалось выяснить, какую роль, согласно Палее, играет богобоязненность в мироустройстве и жизни человека. На противоположном страху Божьему полюсе оказывается страх смерти, фигурирующий в тексте источника в описании кончины грешника. Анализ этой составляющей концепта страха показывает наиболее пугающие для составителя Палеи аспекты смерти. Проведенная работа позволяет расширить наши представления о том, как трактовалось понятие страха в Древней Руси, и намечает направление для дальнейшего исследования – изучение страха в контексте греховности и праведности.

Ключевые слова: страх, концепт страха, страх смерти, страх Божий, Толковая Палея, история эмоций, Древняя Русь

Для цитирования: Борисова С.А. Концепт страха в Толковой Палее // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 5. С. 96–111. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-5-96-111

The concept of fear in *Tolkovaya Paleya* (The Explanatory Palea)

Svetlana A. Borisova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sa-borisova@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the meaning of the concept of fear in *Tolkovaya Paleya* (Old Russian commented retelling of Old Testament). This historical source is important for exploring the notion of fear in Old Russian literature. *Tolkovaya Paleya* was an influential text. It includes interpretations and additions to the Biblical stories. The concept of fear in *Tolkovaya Paleya* has a rather complex structure. Its key point is the fear of God. The meaning of the God-fearing concept and its main characteristics in *Paleya* were defined by the author of the article following the analysis of the context for the expression ‘the fear of God’ and through the study of larger semantic blocks that include that phrase. The paper also focuses on the role of the God-fearing in the world order and in the lives of humans as it was described in *Tolkovaya Paleya*. The opposite of this fear is the fear of death, appearing in the text of the source in the description of sinner’s demise. The analysis of that component in the concept of fear shows the most frightening aspects of death for the compiler of *Paleya*. The paper helps to expand the understanding of how the concept of fear was interpreted in Ancient Russia, and outlines a direction for further research – the study of fear in the context of sinfulness and righteousness.

Keywords: fear, concept of fear, fear of death, fear of God, *Tolkovaya Paleya*, history of emotions, Ancient Russia

For citation: Borisova, S.A. (2020), “The concept of fear in *Tolkovaya Paleya*” (The Explanatory Palea). *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*. no. 5, pp. 96–111, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-5-96-111

Выделение эмоций в отдельную область исследования позволяет значительно продвинуться в изучении особенностей мировосприятия человека прошлого [Плампер 2010, с. 20–22, 33–36]. Согласно наиболее актуальному, на наш взгляд, концептуальному подходу в истории эмоций, переживания людей имеют в своей основе некое неизменное, универсальное ядро и культурную оболочку, варьирующуюся в течение времени [Плампер 2010, с. 19–20]. На этот культурно обусловленный уровень эмоций и направлено наше внимание.

Страх является одним из главных человеческих переживаний, поэтому его изучение в разных аспектах и ракурсах крайне важно. Несмотря на лаконичность описаний эмоциональных состояний людей, древнерусские памятники содержат большое число упоминаний этой эмоции. Что вкладывалось в понятие «страх» в Древней Руси? Для того чтобы ответить на данный вопрос, в первую очередь следует обратиться к религиозным произведениям, под влиянием которых создавалась оригинальная древнерусская литература. Речь, соответственно, пойдет не о реальных эмоциях, так или иначе отобразившихся в тексте, но о концептосфере страха в древнерусских источниках.

В этой статье мы рассмотрим представления о страхе, содержащиеся в Толковой Палее – произведении, которое оказало значительное воздействие на древнерусскую книжность. Оно представляет собой комментированный пересказ (с многочисленными толкованиями и дополнениями) неканонических текстов Ветхого Завета (от Книги Бытия до 11 стиха 2 Книги Царств) и является источником многих богословских, исторических и естественно-научных сведений. Недаром Палею называют «своеобразной средневековой энциклопедией» [Водолазкин 2007, с. 3]. Нас будет интересовать, что представляло собой (или должно было представлять) понятие страха для ее составителя.

Несмотря на то что Палея уже долгое время привлекает внимание исследователей, время и место ее возникновения до сих пор точно не установлены. Можно выделить две основные точки зрения о появлении Палеи. Часть исследователей считают, что она имеет византийское происхождение и является переводом с греческого¹. Другие полагают, что Палея представляет собой компиляцию древнерусского книжника². О датировке Палеи существуют

¹*Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка // Известия Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1862. Т. 10. Вып. 3. Стб. 191–192; *Успенский В.М.* Толковая палея. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1876. С. 4; *Тихоодров Н.С.* Сочинения. М.: М. и С. Сабашниковы, 1898. Т. 1: Древняя русская литература. С. 114. См. также: [Порфирьев 2005, с. 15].

²*Михайлов А.В.* К вопросу о тексте книги Бытия пророка Моисея в Толковой Палее // Варшавские университетские известия. 1896. Вып. 3. С. 20–23; *Истрин В.М.* Замечания о составе Толковой Палеи // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1898. Т. 65. № 6. С. 135–136; см. также: [Адрианова 1910, с. 39; Водолазкин 2007, с. 9–10]. Авторы сборника «“Палея Толковая” в контексте древнерусской культуры XI–XVII веков:

различные версии, непосредственно связанные с предполагаемым местом возникновения анализируемого источника³.

Все упоминания страха в Палее можно условно разделить на три базовые категории. Это концепт страха Божьего, земные страхи, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни, и страх смерти, физической и «вечной» (адских мук). Мы начнем анализ с первой из них.

Богобоязненность – одна из ключевых христианских добродетелей, которая оказывала большое влияние на поведение и мироощущение человека прошлого. Страху Божьему сопутствуют такие слова-наименования эмоций, как *трепет*: «ѣго^ж горѣ страхо^т трепещють англі і долнии оужасомь колѣблють^с стрѣхомь силы трѣсобственаго бж^ства безначална суще»⁴; *ужас*: «но слава г^сна ѡвиса изъ облака надъ храмо^м свидѣнїа и видѣша вси с^нве излѣви нападе оуж^ась на ве^с снемь ихъ»⁵; *умиление* (в значении *смирения, благоговения*): «ничто^ж оубо тука и кости зловоньнѣе кѣсть но со оумилениємъ в боѡзни б^а восла нои жертву к нему»⁶; *благоговение*: «слыши ѡко говѣинѣша ѣго стварастъ вл^ка и с боѡзнью повѣлѣваестъ ѣму послушати гл^емыхъ»⁷; *любовь к Богу и ближнему*: «любите г^са б^а нб^сго и хранаите заповѣди ѣго (...) боитеса г^а и любите брать брата»⁸.

Страх Божий способен избавлять человека от страхов повседневных: «къ лукавству печально исправать васъ не имать области вами вса неприязнина печаль (...) иже боѡиса г^са и любаи брата своего

материалы Первой международной научной конференции» (М., 2014) в большинстве своем также склоняются в пользу древнерусского происхождения Палеи [Мильков 2014, с. 39; Моторин 2014, с. 69; Дергачева 2014, с. 117–123].

³Так, сторонники древнерусского происхождения Палеи В.М. Истрин и В.П. Адрианова считают временем ее создания XIII в. [Истрин 1906, с. 36–51; Адрианова 1910, с. 39]. Исследователи, склоняющиеся к «византийской версии», указывают более раннюю датировку: И.Я. Порфирьев предполагает IX–X вв. [Порфирьев 2005, с. 15]. В.М. Успенский говорит о VIII–IX вв. (*Успенский В.М.* Указ. соч. С. 129–130).

⁴Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. // Труд учеников Н.С. Тихонравова. М., 1892. Вып. 1. С. 47; ср.: Палея Толковая. М.: Согласие, 2002. С. 72.

⁵Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. // Там же. М., 1896. Вып. 2. С. 282; ср.: Палея Толковая. С. 359.

⁶Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 1. С. 109; ср.: Палея Толковая. С. 150.

⁷Там же. Вып. 2. С. 240; ср.: Палея Толковая. С. 307.

⁸Там же. С. 234; ср.: Палея Толковая. С. 301.

то не имать страховатиса ничто же аще и множество злы чади свѣтъ нань дадать не оуспѣють то ни звѣремь можеть обладань быти понеже оубо помагають ему яже къ бѹ юже имѣ къ брату своему любовь»⁹, – говорится в отрывке из апокрифического «Завета 12 патриархов» («Завета Вениамина»), включенного в Палею. Эта идея занимает значительное место и в Библии, и в патристике¹⁰.

Другое важное свойство страха Божьего – давать человеку контроль над его чувствами: «аще оубоить^с члвкъ г҃а всею дшею своею и вса чювьства своа покораеть понеже г҃ъ есть обладаа ими аще ли кто ѿложа бѡлюбие ть и нравомь своимь работати начьнеть гнѣвъ и злословіе тажкосрдье гарость пьянство обыадение блужение несытовство злословіе зависть и всако скаредство и вса дѣлавшаа въчинена въ страхъ бѣи»¹¹. В Палее эта мысль также звучит

⁹ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 2. С. 234; ср.: «Аще души вражьи въ всако лукавство исправать васъ, не имать области вами вса неприязнена печаль (...) Иже боайса Господа и любай брата своего, не имать страховатиса ничто же; аще и множество злы чади свѣтъ на нь дадать, не оуспѣють; то ни звѣремь можеть обладань быти, понеже оубо помагають ему яже къ Богу юже имѣ къ брату своему любовь» (Палея Толковая. С. 301).

¹⁰ Ср.: Сир. 34, 14: «Болиса г҃а ничимже постыдится, и не оустрашиг҃са тои бо надеж҃а ему». (Острозька Біблія. Львів. 2006. С. 1087); Исаак Сирин: «Душа, имеющая в себе страх Божий, не боится чего-либо такого, что вредит ей телесно, потому что на Бога уповает отныне и во веки веков» (Слово тридцать пятое. О любви к миру // Слова подвижнические. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 2008 [репр. воспр. изд.: Сергиев Посад, 1911]. С. 194); Иоанн Златоуст: «Нет зла, которого не уничтожил бы страх Божий. Как огонь, приняв железо, хотя бы самое испорченное и покрытое большою ржавчиною, делает его ясным и светлым, очищая его и совершенно исправляя повреждение, так и страх Божий в короткое время совершает все и не допускает ничему человеческому вредить тем, которые проникнуты им» (На псалом 127 // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1899. Т. 5, Кн. 1–2. С. 398). Также см.: [Пустовойт 2007, с. 21].

¹¹ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. // Труд учеников Н.С. Тихонравова. М., 1896. Вып. 2. С. 227–228; ср.: «аще оубоиться чловѣкъ Господа всею душею своею, и вса чювьства своа покораеть, понеже Господь есть обладаа ими. Аще ли кто ѿложа боголюбие, тѣм нравомь своимь работати начьнеть: гнѣвъ, злословіе, тажкосердье, гарость, пьянство, обыадение, блужение, ревность, несытовство, зависть и всако скаредство. И вса дѣла ваша въчинена въ страхъ Божий» (Палея Толковая. М., 2002. С. 294).

в «Завете 12 патриархов» («Завете Неффалима»). Характерна она и для канонической литературы¹². Таким образом, страх Божий становится инструментом нравственного совершенствования, а отсутствие богобоязненности ведет к падению и греху.

Палея, вслед за Библией, рассказывает о рождении у Адама и Евы сына Сифа. При этом сообщается информация, которой нет в книге Бытия: Бог передает Сифу «еврѣискаа писмена», и именно они становятся истоком происхождения письменности. Затем «сифоу же разоумѣюще бм̄ь преданаа ѣму писмена и о бытии гл̄щаа ѣму и како подобаеть б̄а боатиса»¹³. Возникает вопрос: почему письменность связана со знанием того, как подобает бояться Бога? По свидетельству И.Я. Порфирьева, рассказ о передаче Сифу «письмен» также содержится в Хронике Георгия Амартола и восходит к «Иудейским древностям» Иосифа Флавия [Порфирьев 2005, с. 51]. Однако в этих произведениях страх Божий не упоминается в сюжетах о возникновении письменности. Связь письменности и богобоязненности обнаруживается в двух сочинениях более позднего времени, XV–XVI вв.: «Написании о грамоте» и «Беседе о учении грамоте». А.И. Клибанов относит «Написание» к произведениям еретической литературы, а «Беседу» характеризует как «обличительный», «антиеретический ответ» на «Написание»¹⁴. Несмотря на то что тексты различны в своей сути, связь страха Божьего и письменности объясняется в них одинаково. В «Написании» сказано, что с помощью грамоты, «сим учением», люди приходят в страх Божий. И в «Написании», и в «Беседе» указывается причина, по которой была создана письменность – «ради вины» человека:

¹² Ср.: Антоний Великий: «Страх Господень искореняет из души все лукавства и грехи. Кто же не боится Бога, тот впадает во многая злая» (Добротолубие в русском переводе. М., 1895. Т. 1. С. 57); Исаак Сирин: «Страх Божий есть начало добродетели», «Умудрись положить в основание путешествия твоего страх Божий, и в немногие дни окажешься при вратах Царствия» (Слово первое. Об отречении от мира и о житии монашеском // Слова подвижнические. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 2008 [репр. воспр. изд.: Сергиев Посад, 1911]. С. 19, 24).

¹³ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С. Тихонравова. М., 1892. Вып. 1. С. 98; ср.: Палея Толковая. М., 2002. С. 138.

¹⁴ Отношение к самой грамоте в «Написании» и «Беседе» различное: по мнению А.И. Клибанова, в «Написании» звучит идея «неограниченности познавательных способностей разума», а в «Беседе» содержится «похвала грамоте, служащей богословию» [Клибанов 1955, с. 356–357].

Палея	«Написание о грамоте»	«Беседа о учении грамоте»
<p>«и бы^с же сифъ мужъ праведень сему выдана бы^с и сврѣская писмена да быша разумѣли сѣве члвѣчьстии и чюдеса г^а б^а да <i>сега нача быти грамота</i> (...) сифоу же разумѣюще б^мь преданаю юму писмена и о бытии г^нща юму <i>и како подобаетъ б^а боатиса</i> тогда же быша неразумнии и дивны имъ бахоу рѣчи сифовы»¹⁵</p>	<p>«<i>Сея ради вины</i> грамота построена, якоже бог создал и благословил человека животна, плодна, словесна [Клибанов 1955, с. 375] (...) Грамота есть толь угодна мудрость многа, учение богоблаженное (...) <i>Сим учением приходят человецы в страх божии</i> и в древнее свое достоиние, первородия обновление» [Клибанов 1955, с. 378]</p>	<p>«<i>Тоя ради вины</i> построена бысть грамота, понеже (...) бог наш сотворил человека (...) и по неколицех летах и времени от неприязнена действия, <i>начат расти и множитис в человецех злоба и отдалишас человецы от бога</i> (...) бог милуя создание свое (...) <i>мог[о] ради</i> духом святым дарова мудрецом <i>составити грамоту</i>, да не знающей бога сим бога познают» [Клибанов 1955, с. 378].</p>

На этот момент обратил внимание А.Л. Юрганов: письменность была создана для того, чтобы восстановилась связь между людьми и Богом, прерванная «виной» – грехопадением [Юрганов 1998, с. 252]. После изгнания из рая люди отделились от Бога, а письменность стала средством их возвращения к Господу.

Как и в Библии, в Палее неоднократно говорится о том, что животные испытывают страх и трепет по отношению к людям. Бог сказал: «стрѣхъ и трепеть твои да быть на всѣхъ сихъ»¹⁶. Составитель Палеи добавляет: «си^ж вса створенаю акы законъ приимша ѿ б^а стрѣховат^с адама»¹⁷. Судя по всему, страх животных перед человеком подобен тому, какой люди ощущают по отношению к Богу. Книжник не раз обращается к этой идее, переосмысливая ее: «како собра нои звѣри и птица парашиа гады же и вса пресмыканиа ествство бо звѣрьскою и птиць не не [sic!] имать приблизитиса к члвкю лютоствма радьма и нои [sic!] же не приблизиса страха ра^н»¹⁸. Такое взаимоотношение живот-

¹⁵ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 1. С. 98 (здесь и далее курсив мой. – С. Б.); ср.: Палея Толковая. С. 137–138.

¹⁶ Там же. С. 45 (Быт. 2: 19–20); ср.: Палея Толковая. С. 69.

¹⁷ Там же; ср.: «Си же вса створенаю, акы законъ приимша ѿ Бога, боахуть бо са Адама» (Палея Толковая. С. 69–70).

¹⁸ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 1. С. 101; ср.: Палея Толковая. С. 141.

ных и людей происходит из библейской идеи о подчинении всего живого власти Бога, которая воплощается на разных уровнях, в том числе и в идее иерархичности земного и небесного миров. Власть имеет божественное происхождение и требует благочестивого повиновения. Каждый носитель власти, начиная с отца семейства и заканчивая правителем государства, должен ограждать от грехов своих подопечных и нести ответственность за спасение их душ. Соответственно, подчиненные должны относиться к нему подобающим образом, помня, что благой страх перед земной властью – часть благого Божьего страха [Антонов 2009, с. 167–169; Антонов 2019, с. 123–130, 148–150; Филюшкин 2000, с. 264].

Не только животные, но и природа испытывает страх Божий: гром, «аки слоуга крѣпкаго на службу посылаема», «вл^чне повелѣние со страхомъ творить»¹⁹. Гром на своей «службе» выполняет две функции: он вершит суд²⁰ и побуждает людей в молитве обратиться к Богу²¹.

Как отмечает А.В. Лаушкин, именно гром и молнии в Библии «чаще всего выступают как атрибут Бога, как орудие Его гнева или даже как Его голос» [Лаушкин 1998, с. 51]. Гром в схожем с Палеей качестве фигурирует и в летописях, являясь одной из «казней Божьих». Например, в Симеоновской летописи под 6783 (1275) г. описывается случай наказания громом и молнией: «того же лѣта бысть громъ страшень въ градѣ во Володимери и разразилъ діакона въ святѣи Богородици въ церкви на выходѣ, октенью глаголюща, и вси людїе падоша на колѣнехъ отъ многа страха»²².

Теперь обратимся к анализу сообщений о «земных», бытовых человеческих страхах в Палее. Мы не будем подробно останавливаться на том, чего боятся библейские персонажи. Информация Палеи

¹⁹ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 1. С. 70–71; ср.: Палея Толковая. С. 107. Ср.: Пс. 75, 9: «с нѣсе слышанъ сътворишь еси судъ Земла оубоаса и оумолча» (Острозька Біблія. С. 933); Пс. 76, 17: «Видѣша та воды бѣ, видѣша та воды, и оубоашаса Смутишаса бездны множествомъ шума водѣ» (Там же).

²⁰ «Не всѣхъ бо вл^чка смртню тою напрасно осужаетъ (...) другыя снабжаетъ друзии же ѿ нихъ суду предани суть но ѿ мѣрнихъ гадрь младенца извергъ снабжаетъ другоици же ѿ рукъ мѣрнѣ истергъ младенець суду предаеть матеръ же младенца собнажаетъ» (Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 1. С. 71); ср.: Палея Толковая. С. 107.

²¹ «Прещениемъ тѣмъ на мѣтву вл^чка ны вставляетъ» (Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 1. С. 70); ср.: Палея Толковая. С. 107.

²² Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. 18: Симеоновская летопись. С. 75.

и Ветхого Завета в данных сюжетах совпадает. Библейские страхи уже были проанализированы и разделены на группы согласно вызвавшим их причинам²³. Мы лишь обозначим эти категории и покажем на некоторых примерах, какие страхи и как проявляют себя в Палее: страх от конкретных действий людей (Моисей испугался последствий убийства египтянина²⁴), страх перед нашествием иноплеменников (страх врагов Израиля²⁵), страх перед катаклизмами и природными явлениями, насылаемыми Богом (страх повторения Потопа²⁶).

Перейдя к сведениям, которые отличают Палею от Ветхого Завета, нужно отметить рассказ, объясняющий, почему человек боится некоторых видов животных. Бог сотворил полезных и вредных человеку зверей. Однако вредоносные существа на самом деле играют важную роль: они являются «устрашением», которое обращает человека к Богу. Эта мысль была почерпнута составителем Палеи из Толкований Феодорита Кирского:

Палея	Толкования Феодорита Кирского
<p>потребнаа же оубо ѿ тѣхъ преда на^и <i>непотребнаа же яко нѣкако страши-</i> <i>ло на ны оустави (...)</i> зриающе^ж ѿ тѣхъ на знаме^иеи^с и претекающе къ б^у и цѣли бываху по сему^ж оубо разумѣ- мы <i>як^жо и дѣти о что пережастваще^с</i> <i>и въ родительска ядра прибѣгають та^к</i> <i>оубо ядовитыа сиа на^и страшило по-</i> <i>ложи да къ г^ии бл^ити прибѣгающе^с</i>²⁷.</p>	<p>Для чего сотворил Бог зверей и пресмыкающихся? <i>Для детей бы- вают нужны устрашения</i>, и бичи, и жезлы (...) И поелику Владыка Бог предвидел, что будем уклоняться в леность, то предуготовил зверей, как бы некие бичи и страшилища, чтобы, <i>приводя нас ими в боязнь, привлечь к Себе и довести до необходимости призывать Его себе на помощь</i>²⁸.</p>

²³ Словарь библейских образов / Под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана III. СПб.: Библия для всех, 2005. С. 1161–1162.

²⁴ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 2. С. 239: «и оуби егюптанина и скры въ песцѣ посемь же оубоюаса моиси рекъ аще видеть въ оуши фараону и бѣжа въ землю мадиамску ѿ лица фараона»; ср.: Палея Толковая. С. 306.

²⁵ Там же. С. 254: «Марья^и Приять ѿ трепеть расташаса вси живущии въ ханаонѣ (...) Нападе на на страхъ и трепеть»; ср.: Палея Толковая. С. 324.

²⁶ Там же. Вып. 1. С. 111: «тѣмъ знаменьемъ безъ боязни ѿ потопа члѣвч- скому роду повелѣвають быти»; ср.: Палея Толковая. С. 152.

²⁷ Там же. С. 45; ср.: Палея Толковая. М., 2002. С. 69.

²⁸ Феодорит (епископ Кирский). Изъяснение трудных мест Божественного Писания. М., 2003. С. 22.

Идея благодатного «устрашения» людей животными отразилась и в других текстах. Например, в Архивском 2-м списке Псковской 3-й летописи описывается страх людей, вызванный нашествием «лютых зверей крокодилов»: «Того же лета изыдоша коркодили лютии звѣрии из рѣки, и путь затвориша, людие много продаша, и ужасошася людие и молиша бога по всей земли; и паки спряташася, а иных избивша»²⁹. Стихотворение XVII в. повествует о змее Зиланте, посланном Богом жителям Казани: «И послалъ всемогущи Господь Бог на нихъ наказания, На Зилантовѣ горѣ прелютотоу змия для похищения, Чтobъ имъ, зря на такова страшного змия всемогущего, Бога наказание в сердца ихъ страшно, Чтobъ онѣ сердца своими умахчились»³⁰.

Последний разбираемый нами сюжет связан со страхом смерти и начинается со слов: «почто се намъ ѣсть великаѧ тайна ѿ ба лютаѧ си смѣть»³¹. Рассказ, следующий за этим вопросом, необычен и своей эмоциональностью, и контекстом. Сначала составитель Палеи говорит, что у библейского царя Давида заболел сын. Давид сокрушался, молился и плакал, а когда ребенок умер, перестал страдать, продемонстрировав второй после Иова пример смирения. Далее составитель Палеи предлагает читателю познакомиться со «Словом утешения об умерших» Иоанна Златоуста. Однако вместо «Слова» помещен другой текст, совершенно отличный по своему идейному и эмоциональному посылу как от рассказа о Давиде, так и от «Слова» Златоуста. Библейская история о гибели ребенка не подразумевала мрачных красок. В палейном же тексте мы погружаемся в тревожные описания смерти и связанных с ней эмоций: «оувы бо ре^ч колику тугу дѣа прїемлеть разлучающисѧ ѿ тѣла и къ англу бїю очи привлачающи (...) и къ подругомъ молащисѧ и руцѣ простираетъ оуже разумѣя своѣ кончание»³².

Рассуждения о смерти в анализируемом отрывке можно разделить на три смысловых блока:

- 1) неизбежность и безжалостность смерти: «бїи судъ на вса прихода мечъ бо ѣсть бїи не обинуѧса кого ни цѣра боить^с смѣть ни

²⁹ Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 263.

³⁰ Майков Л.Н. О начале русских вирш // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. Ч. 275. С. 453.

³¹ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 2. С. 383; ср.: «что се намъ естъ великаѧ тайна ѿ Бога – лютаѧ си смѣть?» (Палея Толковая. С. 485).

³² Там же. С. 384; ср.: Палея Толковая. М., 2002. С. 485–486.

- старога милуєть ни ѿ храбра оуклонит̄ь̄ ни доброты пощадить ни красоты милуєть ни плачущаго жалуєть ни оуности щадить ни о младенци помышляєть но вса приємлеть смрт̄ь̄»³³;
- 2) физические страдания, которые происходят с телом в момент умирания: «и лицу зракъ погыбнетъ и померкнетъ очи слуха оглохнѣта оуста затворат̄ь̄ руцѣ и нозѣ оуванѣта и гробу предаємьса»³⁴;
- 3) описания физиологического состояния тела после смерти: «оужасна єсть и тайна страшна всѣмъ выдащимъ дша̄ оубо идеть плачущиса тѣло же покрываемо и земли предаемо оумрыи бо въ гробѣ лежитъ мртвѣ почернѣвъ изгнивъ развалаєть̄̄ смерда оидинудь смраденъ разумѣимы оубо братие ꙗко нѣ̄ намъ ползы телесноє доброты вса бо та премѣнають̄̄ и гнусны бывають»³⁵.

Составитель Палеи заключает: «нѣ̄ по истинѣ въ житіи семъ красно и добро ничто же въ смрт̄ь̄ни бо днѣ̄ не брегомъ бещестенъ все тлѣ̄нно и ищезаемо єсть»³⁶.

Скорее всего, анализируемый текст опирается на погребальные стихиры Иоанна Дамаскина³⁷, представляя собой довольно вольный пересказ или перевод, в котором книжник расставляет свои акценты. По всей видимости, составитель Палеи обращался и к другим библейским и патристическим сочинениям. Однако даже если палейные рассуждения не являются оригинальным произведением, цитаты из священных текстов подбирались книжником согласно определенной идее и выражали его взгляды. Эти взгляды воплотились в выделенных нами темах (физический аспект умирания; происходящее с телом после смерти; ее неминуемость, необратимость, беспощадность) и связаны со страхом, который люди испытывают перед кончиной.

К похожему наблюдению пришел Г.Г. Донской [Донской 2012, с. 177–181]. Он изучил эмоциональный аспект отношения к смерти на материале житий, повестей о преставлении, исторических

³³ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 2. С. 383; ср.: Палея Толковая. С. 485.

³⁴ Там же. С. 385; ср.: Палея Толковая. С. 486.

³⁵ Там же. С. 384–385; ср.: Палея Толковая. С. 486.

³⁶ Там же. С. 384; ср.: Палея Толковая. С. 486.

³⁷ Как и Иоанна Златоуста, Дамаскина иногда называли «Иоанном Златоструем», что могло послужить причиной ошибки составителя Палеи. Стихиры см.: «Последование мертвенное мирских тел» [Электронный ресурс]. Требник. URL: https://azbyka.ru/bogoslužhenie/trebник/treb_ucs_22.shtml (дата обращения 20.12.2019).

повестей и сказаний, летописей и духовных грамот XIV–XVI вв. и сделал вывод, что смерть пугала, среди прочего, именно этими аспектами. Также Г.Г. Донской указывает, что страх смерти являлся обязательной эмоцией для благочестивого христианина, призванной способствовать его нравственному совершенствованию – отсутствие этого переживания считалось грехом, в котором необходимо покаяться³⁸.

Описания смерти в русских средневековых текстах имеют две известные полярные модели. «Смерть грешникам люта, а праведну мужу покой естъ»³⁹, – этой фразой из «Двоесловия Живота и Смерти» М.Р. Майзульс характеризует каноны описания кончины праведника и гибели грешника [Майзульс 2003, с. 123]. Святой человек умирал в спокойствии и умиротворении, заранее зная о приближающейся участи. Его смерть была похожа на сон, а тело не разрушалось, благоухало и впоследствии творило чудеса. Смерть грешника описывалась прямо противоположным образом: она происходила неожиданно, сопровождалась ужасными мучениями и страданиями. Тело умершего выглядело пугающе и отталкивающе, могло начать тлеть еще при его жизни [Майзульс 2003, с. 125]. Такая смерть чаще всего называлась «злой» или «напрасной» (внезапной) [Майзульс 2003, с. 129]. В анализируемом палейном фрагменте смерть определяется как «лютая», «ужасная и страшная тайна», и ее описания в большей степени соотносятся со второй, «грешной», моделью кончины.

Однако древнерусского человека страшила не только и не столько сама смерть, а то, что последует за ней. Страшный суд даровал праведникам вечную жизнь, а грешников обрекал на вечную погибель. В Палее он называется «Божьим судом» и «Божьим мечом», от которого никто не сможет уклониться. Разбираемый отрывок – это текст-предостережение, призванный заставить человека сделать все, чтобы избежать мучительной кончины и ужасной посмертной участи. Путь к спасению, главное место в котором отводилось крещению, указан в следующих строках: «см̄ръть бо мужю правдивѸ покой естъ не мнимъ бо изгыбающе тѣхъ иже ѿходатъ къ бу праведнии оубо бѣ правду бо видѣвъ ꙗ твораща и въ правдѣ покоитъ ꙗ творим же оубо погыбающе тѣхъ иже ст̄ымъ кр̄щ̄ниємъ не просвѣти-

³⁸ Так поступил, например, Евфимий Турков, который не боялся смерти «от нечувствия» и «невнимания» [Донской 2012, с. 174].

³⁹ Ср.: Пс. 33, 22: «См̄ръть грѣшико^м люта, и ненавидящей праведнаго прегрѣшатъ» (Острозька Библия. С. 906); Иов. 3, 23: «см̄ръть [бо] мужю покой» (Острозька Библия. С. 853).

шаса во лъсти бес правды безаконіе твораше грѣхы собѣ собравше на землі бывше погыбоша»⁴⁰.

Подведем некоторые итоги. Страх Божий в Толковой Палее – это сложный концепт, объединяющий разные понятия. Благой ужас и трепет, вызываемые Богом, смирение и благоговение перед ним, и, в конечном итоге, любовь выстраиваются в первый понятийный ряд. Этот комплекс эмоций наделяет человека способностью к нравственному совершенствованию. При этом страх Божий противоположен страху земному: богобоязненность помогает человеку победить свои повседневные фобии.

Важную роль в том, что люди научились испытывать страх Божий, согласно Палее, играет письменность. С ее помощью люди, впавшие в греховное состояние, возвращались к Богу.

Страх Божий присущ не только человеку, но и явлениям природы. Так, гром служит Господу со страхом Божьим, но при этом сам пугает людей и несет им наказания.

Животные испытывают по отношению к людям страх, схожий с человеческой богобоязненностью. Одновременно некоторые животные становятся источником страха для человека. Такое «устрашение» полезно и призвано направить людей к Господу, а следовательно, оказывается частью благого Божьего страха.

Совершенно иной характер имеет содержащееся в Палее описание страха смерти. С одной стороны, он также побуждал обратиться к Господу. С другой – в случае несправедливой жизни этот страх приобретал пугающие формы и соотносился уже с другим ужасом: вечными страданиями в аду.

Рассмотренные нами на материале Палеи концепты типичны для средневековой русской литературы, прежде всего для переводной патристики. Однако в каждом случае они могли использоваться по-разному и индивидуально обыгрываться каждым автором. В этом плане полученные нами результаты важны для последующего сопоставления данных Палеи с оригинальной древнерусской литературой. Это позволит проследить, как понятие страха трансформировалось русскими книжниками в их произведениях.

⁴⁰ Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 2. С. 385; ср.: «Смерть бо мужю правдивѹ покой есть; не мнимъ бо изгыбающе тѣхъ, иже ѿходить къ Богу, праведный оубо Богъ, правду бо видѣвъ ꙗ твораша, и въ правдѣ покоить ꙗ. Мнимъ же оубо погыбающе тѣхъ, иже сватымъ крещениемъ не просвѣтишася: во лъсти, бесъ правды, безаконіе твораше, грѣхы собѣ собравше, на землі живъше, погыбоша» (Палея Толковая. С. 486–487).

Литература

- Адрианова 1910 – *Адрианова В.П.* К литературной истории Толковой Палеи. Киев: Тип. Акц. Об-ва «Петр Барский в Киеве», 1910. 78 с.
- Антонов 2009 – *Антонов Д.И.* Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. 424 с.
- Антонов 2019 – *Антонов Д.И.* Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019. 316 с.
- Водолазкин 2007 – *Водолазкин Е.Г.* Новое о палеях (некоторые итоги и перспективы изучения палейных текстов) // Русская литература. 2007. № 1. С. 3–23.
- Дергачева 2014 – *Дергачева И.В.* Автор «Палеи Толковой»: творческий портрет // «Палея Толковая» в контексте древнерусской культуры XI–XVII веков: материалы Первой международной научной конференции, Москва, 22 января 2013 г. / Науч. ред. А.Н. Ужанков. М.: Согласие, 2014. С. 116–123.
- Донской 2012 – *Донской Г.Г.* Переход в «иной мир» в духовной культуре средневековой Руси (XIV–XVI вв.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 216 с.
- Истрин 1906 – *Истрин В.М.* Исследования в области древнерусской литературы. СПб.: Сенат. тип., 1906. 257 с.
- Клибанов 1955 – *Клибанов А.И.* Написание о грамоте (опыт исследования просветительско-реформаторского памятника конца XV – первой половины XVI века) // Вопросы истории религии и атеизма: Сб. ст. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 3. С. 325–379.
- Лаушкин 1998 – *Лаушкин А.В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское средневековье / Отв. ред. и сост. Д. Володихин. М.: Мануфактура, 1998. Вып. 1: Книжная культура. С. 26–58.
- Майзульс 2003 – *Майзульс М.Р.* Древнерусский человек перед лицом смерти // Россия XXI. М.: Экспериментальный творческий центр, 2003. № 5. С. 108–149.
- Мильков 2014 – *Мильков В.В.* Космологические воззрения составителя «Палеи Толковой» // «Палея Толковая» в контексте древнерусской культуры XI–XVII веков: материалы Первой международной научной конференции, Москва, 22 января 2013 г. / Науч. ред. А.Н. Ужанков. М.: Согласие, 2014. С. 39–68.
- Моторин 2014 – *Моторин А.В.* Понятие языка как народа в историософии Священного Писания и «Толковой Палеи» // «Палея Толковая» в контексте древнерусской культуры XI–XVII веков: материалы Первой международной научной конференции, Москва, 22 января 2013 г. / Науч. ред. А.Н. Ужанков. М.: Согласие, 2014. С. 69–88.
- Порфирьев 2005 – *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях: по рукописям Соловецкой библиотеки. Репр. изд. М.: Индрик, 2005. 276 с.

- Пустовойт 2007 – *Пустовойт Ю.В.* Феномен страха в античной культуре и патристике: этико-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2007. 22 с.
- Плампер 2010 – *Плампер Я.* Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 11–36.
- Филюшкин 2000 – *Филюшкин А.И.* Модель «царства» в русской средневековой книжности XV–XVI вв. // Герменевтика древнерусской литературы / Отв. ред. М.Ю. Люстров. М.: Наследие, 2000. Сб. 10. С. 262–279.
- Юрганов 1998 – *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 447 с.

References

- Adrianova, V.P. (1910), *K literaturnoi istorii Tolkovoi Palei* [To the literary history of Tolkovaya Paleya], Tipografiya Aktsionernogo Obshchestva “Petr Barskii”, Kiev, Ukraine.
- Antonov, D.I. (2009), *Smuta v kul'ture srednevekovoi Rusi: evolyutsiya drevnerusskikh mi-fologem v knizhnosti nachala XVII veka* [Troubles in the culture of medieval Russia. The evolution of Old Russian ideas in the booklore of the early 17th century], RGGU, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. (2019), *Tsari i samozvantsy: bor'ba idei v Rossii Smutnogo vremeni* [Tsars and impostors. Struggle of ideas in Russia in the Time of Troubles], RGGU, Moscow, Russia.
- Dergacheva, I.V. (2014), “The author of ‘Paleya Tolkovaya’: creative portrait”, in Uzhanov, A.N., ed., *“Paleya Tolkovaya” v kontekste drevnerusskoi kul'tury 11–17 vekov: materialy Pervoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [“Paleya Tolkovaya” in the context of Old Russian culture of the 11th–17th centuries. Proceedings of the First scientific international conference], Moscow, Russia, 22 January 2013, Soglasie, Moscow, Russia, pp. 116–123.
- Donskoi, G.G. (2012), *Transition to the “another world” in the spiritual culture of medieval Russia (14th–16th centuries)*, Ph.D. Thesis, History, Moscow State University, Moscow, Russia.
- Filyushkin, A.I. (2000), “The model of the ‘tsardom’ in Russian medieval booklore of the 15th–17th centuries”, *Герменевтика древнерусской литературы*, vol. 10, pp. 262–279.
- Istrin, V.M. (1906), *Issledovaniya v oblasti drevnerusskoi literatury* [The studies in the field of Old Russian literature], Senatskaya tipografiya, St. Petersburg, Russia.
- Klibanov, A.I. (1955), “Napisanie o gramote” (research experience of the educational and reformatory text of the late 15th – the first half of the 16th century), *Voprosy istorii religii i ateizma*, vol. 3, pp. 325–379.
- Laushkin, A.V. (1998), “Disasters and natural omens in the beliefs of Old Russian chroniclers in the 11th–13th centuries”, in Volodikhin, D., ed. *Russkoe srednevekov'e*, Manufaktura, Moscow, Russia, no. 1, pp. 37–58.

- Maizul's, M.R. (2003), "Old Russian Man in the face of death", *Rossiya XXI*, no. 5, pp. 108–149.
- Mil'kov, V.V. (2014), "Cosmological views of the compiler of *Tolkovaya Paleya*", in Uzhankov, A.N., ed., "*Paleya Tolkovaya*" v kontekste drevnerusskoi kul'tury 11–17 vekov: materialy Pervoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii ["*Paleya Tolkovaya*" in the context of Old Russian culture of the 11th–17th centuries: Proceedings of the 1st scientific international conference], Moscow, Russia, 22 January 2013, Soglasie, Moscow, Russia, pp. 39–68.
- Motorin, A.V. (2014), "The concept of language as a people in the historiosophy of Scripture and *Tolkovaya Paleya*", in Uzhankov, A.N., ed., "*Paleya Tolkovaya*" v kontekste drevnerusskoi kul'tury 11–17 vekov: materialy Pervoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii ["*Paleya Tolkovaya*" in the context of Old Russian culture of the 11th–17th centuries: Proceedings of the First scientific international conference], Moscow, Russia, 22 January 2013, Soglasie, Moscow, Russia, pp. 69–88.
- Plamper, Ya. (2010), "Emotions in Russian history", in Plamper, Ya., Shakhadat, Sh. and Eli, M., ed., *Rossiiskaya imperiya chuvstvo: podkhody k kul'turnoi istorii emotsii* [Russian empire of senses. Approaches to the cultural history of emotions], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 11–36.
- Porfir'ev, I.Ya. (2005), *Apokrificheskie skazaniya o vetkhozavetnykh litsakh i sobytiyakh po rukopisyam Solovetskoj biblioteki* [Apocryphal legends about the Old Testament persons and events in the manuscripts of the Solovetskaya Library], Indrik, Moscow, Russia.
- Pustovoi, Yu.V. (2007), *The phenomenon of fear in ancient culture and patristics. Ethical and philosophical analysis*, Abstract of Ph.D. dissertation, Ethics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia.
- Vodolazkin, E.G. (2007), "New about paleyas (some results and prospects of the study of the paleyas' texts)", *Russkaya literatura*, no. 1, pp. 3–23.
- Yurganov, A.L. (1998), *Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury* [Categories of Russian Medieval culture], MIROS, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Светлана А. Борисова, магистр культурологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sa-borisowa@yandex.ru

Information about the author

Svetlana A. Borisova, Master of Art Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; sa-borisowa@yandex.ru